Купеческая дочь и разбойники

Купец стал за море кораблём поежжать, торговать, а дочерь свою оставил дом сохранять. Отец уехал. Как отправился, вдруг розбойники нагонили на золотой кореты. Поставили лисьвицу к окну, а один и в окно полез. Доци не знат, куда деватьця, отцову саблю хватила со спичи и стала за простенок. Разбойник как стал голову в избу запихивать, она его тюкнула отцовой саблей; хотела тюкнуть по шеи, да попалась по уху и отрубила ухо. Он свалился с окна. Розбойники перепа́лись, подумали, што сам купец дома, положили товарища в золоту корету и погонили. Доци вышла на уличь, посмотрела за има́ вслед, в котору сторону погнали. Обулась, оделась и пошла за има́ взади.

Долго-ле, коротко-ле шла по полю и увидела в поли дом превеличающей, большой. В перву избу зашла, всё копья да оружьё; в другу избу зашла, всё тела мёртвы лежат; в третью избу зашла, всё женской наряд висит. Вытенула сундук, отворила, в сундуки персней много увидела и стала перстень выбирать, какой ей ндравитця, какой на перст годитця. Выбрала перстень. Вдруг зашумели, загромели, розбойники нагонили на золотых коретах. Не знает, куды деватця, сундук отодвинула, под лавку за сундук забилась. Разбойники привезли девку. Сели закусывать, один говорит: «Ах, я жаркого захотел». А другой тащит человецьё мясо. Девка увидела, што едят человечье мясо, стала плакать. Один разбойник сказал девки: «Расширь целюсь-ту». Девка рот расширила, а он вилками ей в рот-от ткнул, у девки голова с плеч покатилась. Эту девку стали обдирать платьё. Снимать стали перстень, да и перстень покатилса, да к купеческой доци под лавку. Та взяла, да себе на перст наложила. Один розбойник говорит: «Надо натти перстень». А другой говорит: — Заутра́ найдём. — Стали розбойники ложиться спать, а онного посадили к дверям караульним. Все розбойники заспали, и караульней задремал, девка выбивачча, выбивачча, тихонько из-за сундука, выбилась, подошла ко дверям. Ти двери — виж! други — виж! третьи — виж! Ушла. Каравульнёй прохватилса и стал кричеть товарищов. Все соскакали, запрегли лошадей и погнали, нова́й по онна́й дороге, нова́й по другой, нова́й по третьёй — все по разным дорогам.

Девка бежала, бежала, нагнала мужика, мужик сено воз везёт. «Ради Бога, мужик, возьми меня, сохрани от розбойников». — «А што, девушка, если я

закладу тебя в воз сена, разбойники нагонят, воз сена разобьют, тебя убьют; тебя убьют и меня не оставят». Побежала девка вперёд. «Ради Бога, не сказывай, што я бежала». Бежала, бежала, настигла черепана, черепан едет, горшки везёт. «Черепан, ради Бога, сохрани от розбойников». — «Разе под горшки закладу». Взял, да ей под горшки и заклал. Розбойники нагонили мужика с сеном, спрашивают: «Не видал-ле кого, человека прохожаго?» — «Нет». На то мужику не поверили, разбили у его воз сена. Настигли черепана, спрашивают: «Не видал-ле кого?» Черепан отпирается: «Нет, не видал». Начали горшки с саней метать. Метали, метали, полвоза сметали. Один разбойник сказал: «Э, робята, не меците черепански горшки, я бывал в черепанской роботы, — черепанска робота чажела́». Послушались розбойники, поворотили назад оттуль. Черепан повёз купецеску доцерь к дому купцову.

Купец в то времё домой прибыл. В то времё розыск, купецьку доць ищут. Купец тут весьма обрадовалса. На другой День приехали розбойники свататця к купцу доцерь. Дочи отцю сказала: «Меня отец отдавай-неотдавай, а вокруг дому каравул солдатов постав». Сватаютца розбойники, сидят в горничи, а дочи стала рассказывать всё, што ей ночесь гре́зилось, и всё, што было с ей у розбойников, все розсказала, а розбойники слушают, да к каждому слову говорят: «Чуден, девича, твой сон, да к щастью». Потом спрашиват доцерь: «А которой мой богосуженой?» А они указали, у кого ухо отсечено. А он оверценой платком, голова охвацена у его. «А што он у вас платком овертелса?» — «А он у нас хорошой, дак штобы не уркнули». А доци на то сказала: «Говорят-де не смотря товар не купят». Подошла к розбойнику, его розвезала, увидала, што у его ухо отсецено, и сказала: «Батюшко! Самы ти ко мне и подъежжали». Оттуда их поймали и растрелели на воротах.

Поехали к ихному дому, тела мертвый похоронили, копья, оружье царю в казну взяли, а живот весь черепану за сохраненье отдали.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.